
УГОЛОВНОЕ ПРАВО, УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС И КРИМИНАЛИСТИКА

CRIMINAL LAW, CRIMINAL PROCEDURE AND CRIMINALISTICS

УДК 343.1

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ КОДЕКС РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: 20 ЛЕТ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

А. А. ДАНИЛЕВИЧ¹⁾, О. В. ПЕТРОВА¹⁾, В. И. САМАРИН¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Показано развитие уголовно-процессуального законодательства на протяжении 20 лет действия Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь. Анализ содержания данного нормативного правового акта позволяет отметить соответствие, согласованность содержания его норм с Конституцией Республики Беларусь, отражение в этих нормах существующих в государстве социально-экономических, политических и иных отношений и тенденций положительного развития последних, а также достижений практики органов уголовного преследования и правосудия по уголовным делам. Отмечается, что влияние на содержание кодекса оказала также международно-правовая па-

Образец цитирования:

Данилевич АА, Петрова ОВ, Самарин ВИ. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь: 20 лет совершенствования. *Журнал Белорусского государственного университета. Право*. 2019;2:106–117.

For citation:

Danilevich AA, Petrova OV, Samaryn VI. The Criminal Procedure Code of the Republic of Belarus: 20 years of improvement. *Journal of the Belarusian State University. Law*. 2019;2:106–117. Russian.

Авторы:

Анатолий Александрович Данилевич – кандидат юридических наук, профессор; заведующий кафедрой уголовного процесса и прокурорского надзора юридического факультета.

Ольга Валентиновна Петрова – кандидат юридических наук, доцент; доцент кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора юридического факультета.

Вадим Игоревич Самарин – кандидат юридических наук, доцент; доцент кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора юридического факультета.

Authors:

Anatol A. Danilevich, PhD (law), full professor; head of the department of criminal procedure and directorate of public prosecutions, faculty of law.

krym_praces@bsu.by

Olga V. Petrova, PhD (law), docent; associate professor at the department of criminal procedure and directorate of public prosecutions, faculty of law.

machkova@bsu.by

Vadzim I. Samaryn, PhD (law), docent; associate professor at the department of criminal procedure and directorate of public prosecutions, faculty of law.

samarynv@bsu.by

радикала современного уголовного процесса. Указаны некоторые проблемные места в действующей редакции кодекса (превращение стадии возбуждения уголовного дела в «квазипредварительное расследование», необходимость расширения возможности суда второй инстанции по оценке доказательств и др.), а также заданы возможные направления дальнейшего его совершенствования (внедрение медиации, института апелляционного приговора, опосредование развития современных технологий и др.). Констатируется необходимость гармонизации уголовно-процессуального права в рамках ЕАЭС.

Ключевые слова: уголовный процесс; уголовно-процессуальный закон; уголовно-процессуальный кодекс; совершенствование законодательства.

THE CRIMINAL PROCEDURE CODE OF THE REPUBLIC OF BELARUS: 20 YEARS OF IMPROVEMENT

A. A. DANILEVICH^a, O. V. PETROVA^a, V. I. SAMARYN^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Corresponding author: V. I. Samaryn (samarynv@bsu.by)

The article reveals the development of criminal procedure legislation over the 20 years of force of the Criminal Procedure Code of the Republic of Belarus. Analysis of the content of this legal act allows us to note the conformity, consistency of the content of its provisions with the Constitution of the Republic of Belarus, reflection in the latter of the socio-economic, political and other relations existing in the state and trends of positive development of them, as well as achievements of the practice of criminal prosecution and criminal justice bodies. It is noted that the international legal paradigm of the modern criminal procedure also influenced the content of the Code. The article identifies some problematic aspects of the current version of the Code (turning the stage of initiation of a criminal case into a «quasi preliminary investigation», the need to expand the ability of the court of the second instance to evaluate evidence, etc.), and also set possible directions for its further improvement (introduction of mediation, sentence of appeal, intermediating the development of modern technology, etc.). It is shown the need to harmonise criminal procedure law within the EAEU.

Keywords: criminal procedure; criminal procedural law; Criminal Procedure Code; legislation improvement.

Развитие общественных отношений и изменения в политической жизни страны во второй половине 1980-х гг. требовали коренного изменения законодательства в сфере уголовной юстиции. В Беларуси разработка нового Уголовно-процессуального кодекса началась в 1990 г. после опубликования для широкого обсуждения проектов Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик и Уголовно-процессуального кодекса РСФСР. Первый вариант проекта белорусского Уголовно-процессуального кодекса был подготовлен в декабре 1991 г. [1, с. 22]. С учетом замечаний и предложений научного сообщества и правоприменителей проект был доработан.

После обретения независимости Республикой Беларусь задача по разработке и принятию нового Уголовно-процессуального кодекса была поставлена в Концепции судебно-правовой реформы, одобренной Верховным Советом Республики Беларусь 23 апреля 1992 г. Доработанный проект кодекса был одобрен парламентом и концептуально принят в первом чтении осенью 1993 г. [2, с. 305]. Однако до второго чтения этот проект так и не дошел. В 1994 г. была принята Конституция Республики Беларусь, в 1995 г. – Модельный Уголовно-процессуальный кодекс для государств – участников СНГ,

что обусловило объективную необходимость приведения в соответствие с данными документами всего действующего в республике отраслевого законодательства, его демократизации и совершенствования, т. е. осуществления судебно-правовой реформы, в том числе и уголовно-процессуального законодательства.

Конституция Республики Беларусь провозгласила человека, его права, свободы и гарантии их реализации наивысшей ценностью и целью общества и государства. Она установила ответственность государства перед гражданином за создание условий для свободного и достойного развития личности, а гражданина перед государством – за неуклонное исполнение обязанностей, возложенных на него Конституцией (ст. 2). В Основном Законе закреплён принцип верховенства права в упорядочении, регулировании жизнедеятельности общества, государства, человека и гражданина Республики Беларусь (ст. 7).

Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко подписал 16 июля 1999 г. принятый Палатой Представителей и одобренный Советом Республики Национального собрания Республики Беларусь Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь (далее – УПК). Введен в действие документ

был только с 1 января 2001 г. Интересно отметить, что первоначальный вариант кодекса содержал положения, касающиеся суда присяжных и судебных приставов, которые не были поддержаны и так и остались нереализованными. Следует отметить, что процесс совершенствования уголовно-процессуального законодательства не останавливается. За 20 лет, прошедших с момента принятия УПК, в него 54 раза вносились изменения.

Анализ содержания УПК позволяет отметить соответствие, согласованность содержания его норм с Конституцией Республики Беларусь, отражение в этих нормах существующих в государстве социально-экономических, политических и иных отношений и тенденций положительного развития этих отношений, а также достижений практики государственных органов уголовного преследования и правосудия по уголовным делам. Оказала влияние на содержание кодекса и международно-правовая парадигма современного уголовного процесса. Прежде всего это можно заметить в легально закрепленных принципах. В англоязычной литературе в этом смысле речь идет о парадигме международного права прав человека (*international Human Rights paradigm*) современного уголовного процесса [3, с. 67; 4, с. xi]. Имеется в виду, что уголовная юстиция должна защищать не только и не столько публичные интересы, сколько индивидуальные права человека, заложенные в международно-правовых актах.

В числе принципов уголовного процесса наряду с теми, которые были известны ранее действовавшему законодательству, в гл. 2 УПК провозглашены новые, как правило, основанные на нормах Конституции Республики Беларусь и конкретизированные, детализированные применительно к обеспечению успешного решения задач производства по уголовному делу. Это, в частности, требование обеспечения защиты прав и свобод граждан (ст. 10), уважения чести и достоинства личности (ст. 12), презумпция невиновности (ст. 16), оценка доказательств по внутреннему убеждению (ст. 19). Существенной новеллой уголовно-процессуального закона стал принцип осуществления правосудия на основе состязательности и равенства сторон (ст. 24), который фактически закрепил изменение типа уголовного процесса Беларуси.

УПК четко определил функциональные обязанности и пределы компетенции органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда. Они обеспечиваются возложением только на органы уголовного преследования обязанности возбуждения уголовного преследования (уголовного дела) и его осуществления (ст. 15), а также всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела (ст. 18); освобождением суда от несвойственной для судебной власти деятельности

по возбуждению уголовных дел, преданию обвиняемых суду, осуществлению государственного обвинения, возвращению уголовных дел для производства по ним дополнительного предварительного расследования, наделением государственного обвинителя процессуальной властью распоряжаться обвинением (изменять, дополнять и перепредъявлять обвинение, отказаться от обвинения) и в стадии судебного разбирательства (ч. 7 и 8 ст. 293, ч. 2 ст. 301). У суда были сохранены лишь полномочия независимо от позиции государственного обвинителя изменять квалификацию преступления, если это не ухудшает положение обвиняемого и не требует изменения сущности обвинения (ч. 5 ст. 301).

Предусмотрен в УПК и институт доследования уголовного дела непосредственно в стадии судебного разбирательства, который пришел на смену институту направления дела на дополнительное расследование судом. Основанием для такого доследования кодекс признает обнаруженную недостаточность доказательств для постановления законного, обоснованного и справедливого приговора, а также необходимость приведения рассматриваемого обвинения в соответствие с тем, что имело место в действительности (ч. 5 ст. 302, ч. 2 ст. 301).

В УПК дано расширенное, соответствующее Конституции Республики Беларусь, задачам и принципам производства по уголовному делу определение процессуальных прав и обязанностей лиц, защищающих свои или представляемые интересы (гл. 6), и иных участников процесса (гл. 7), а также гарантий, обеспечивающих их активное функциональное участие в следственных и иных процессуальных действиях, в обосновании своей позиции по делу, а равно в оказании содействия органам, ведущим уголовный процесс, в установлении наличия или отсутствия обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения дела.

Документ, не закрепляя непосредственно принцип диспозитивности, сохраняет право пострадавшего возбуждать дела частного обвинения путем подачи в суд заявления, отвечающего требованиям ст. 426, о совершении в отношении его преступления.

В УПК определена более демократичная, в полной мере соответствующая защите прав и свобод личности, интересов общества и государства процедура вовлечения в производство по уголовному делу предположительно виновных в совершении запрещенных уголовным законом деяний лиц в качестве подозреваемых. Это подтверждает признание подозреваемым лица, в отношении которого органом уголовного преследования возбуждено уголовное дело или вынесено постановление о признании подозреваемым (ст. 40), что не может не повлечь за собой экономное лишь в случае под-

линей необходимости использование кратковременного лишения свободы и меры пресечения для признания лица подозреваемым.

Одним из механизмов обеспечения прав участников уголовного процесса, достаточно удачно перешедшим в новый уголовно-процессуальный закон, стало участие педагога/психолога. В отличие от российского аналога в УПК четко установлен процессуальный статус данного участника. В соответствии с ч. 1 ст. 62 УПК педагог или психолог, участвующий в допросе несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля, является специалистом. Это снимает споры об их задачах и правовом положении [5].

Судебная практика достаточно принципиально требует соблюдения нормы об обязательном присутствии педагога или психолога на допросах несовершеннолетнего подозреваемого и обвиняемого (ст. 435 УПК). В соответствии с п. 11 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 28 июня 2002 г. № 3 «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних», исходя из требований ст. 435 УПК, показания несовершеннолетнего обвиняемого, данные в отсутствие педагога или психолога, не имеют юридической силы, в соответствии с ч. 5 ст. 105 УПК признаются недопустимыми и не могут быть положены в основу обвинения, а также использованы для доказывания обстоятельств, указанных в ст. 89 УПК.

В настоящее время судебно-следственная практика переосмысливает роль и задачи педагога или психолога при допросах несовершеннолетних потерпевших и свидетелей, обращая внимание на внедрение дружественных ребенку технологий допроса [6].

В уголовно-процессуальном законе уточнено нормативное решение проблемы обеспечения безопасности участников уголовного процесса и других лиц посредством включения в число тех, чья безопасность подлежит обеспечению как самих участников уголовного процесса, так и их близких родственников и других лиц, которых они обоснованно считают близкими, признание применяемых конкретных мер по обеспечению безопасности индивидуально определенного лица служебной тайной (ст. 65). В число процессуальных мер включено обеспечение безопасности освобождением от явки в судебное заседание (ст. 66), которое может применяться только по решению суда.

Законодатель четко разграничил понятия «источник доказательств» и «доказательство», установив в ч. 2 ст. 88 УПК, что носитель доказательственной информации и предусмотренные законом процессуальные документы ее объективирования, закрепления, придающие этой информации реальное существование во времени и пространстве, являются не доказательствами наличия в деле фактических данных, способных непосредственно рас-

крывать по уголовному делу то, что имело место в действительности, а лишь источниками доказательств, из которых последние могут быть извлечены посредством живого созерцания, осмысления и использования лицом или органом, ведущим уголовный процесс, при формулировании и обосновании решений как по отдельным вопросам, так и по существу уголовного дела [7, с. 7].

Для реализации принципа осуществления правосудия на основе состязательности и равенства сторон уголовно-процессуальный закон предусмотрел право защитника представлять доказательства и собирать сведения, необходимые для защиты прав подозреваемого, обвиняемого и оказания им юридической помощи путем опроса физических лиц, а также запрашивать справки, характеристики и иные документы или их копии; запрашивать с согласия подозреваемого, обвиняемого мнения специалистов для разъяснения возникающих в связи с осуществлением защиты вопросов, требующих специальных знаний. При этом защитник не вправе оказывать незаконное воздействие на лиц при получении сведений в интересах защищаемого им лица (ч. 3 ст. 103 УПК). Безусловно, такие возможности не могут рассматриваться как параллельное адвокатское расследование, однако они нужны защитнику для отстаивания интересов клиента, обоснования доводов стороны защиты. Дальнейшего развития в этом направлении требуют определение правового статуса указанного мнения специалиста и процессуального порядка возможного допроса данного участника.

Произошли отдельные изменения в регулировании института мер процессуального принуждения. В УПК имеется понятие «задержание», которое перестало быть следственным действием (ч. 1 ст. 107), разграничены виды данной меры процессуального принуждения (гл. 12), включена норма, предоставляющая гражданам право на захват лица, совершившего преступление, в целях пресечения его преступных действий и передачи задержанного органу власти (ст. 109). Был усовершенствован процессуальный порядок задержания лица по непосредственно возникшему подозрению в совершении преступления путем установления того, что правовым основанием для кратковременного содержания задержанного под стражей является не протокол задержания, составленный должностным лицом, осуществившим фактическое задержание подозреваемого, а постановление о задержании, вынесенное начальником органа дознания, следователем или прокурором по результатам рассмотрения ими протокола задержания (ст. 110).

По сравнению с предыдущим кодексом претерпела изменения система мер пресечения: исчезло поручительство общественных организаций и трудовых коллективов, но появились и применяются залог и домашний арест. Раскрыто содержание

и определены основания и порядок применения, изменения и отмены мер пресечения. В 2015 г. нормы о залоге как мере пресечения были пересмотрены, значительно расширен его предмет (денежные средства, ценные бумаги, ценности, ничем не обремененные и не исключенные из гражданского оборота, иное движимое и недвижимое имущество, принадлежащее залогодателю на праве частной собственности). В то же время, несмотря на п. 49 Концепции совершенствования законодательства Республики Беларусь (утверждена Указом Президента Республики Беларусь № 205 от 10 апреля 2002 г.), до настоящего момента сохраняется санкционирование применения мер пресечения в виде домашнего ареста и заключения под стражу прокурором либо его заместителем.

Отличительной чертой белорусского уголовного процесса является наличие альтернативного санкционированию постановления следователя порядка – возможность принятия решения о заключении под стражу, применении домашнего ареста (как и решений о проведении других процессуальных действий, существенно ограничивающих конституционные права и свободы граждан) только по постановлению Председателя Следственного комитета Республики Беларусь, Председателя Комитета государственной безопасности Республики Беларусь (ч. 2 ст. 127 УПК). В случае несогласия с таким решением Генеральный прокурор Республики Беларусь или лица, исполняющие его обязанности, вправе принести протест в суд по месту предварительного расследования уголовного дела (ст. 147¹ УПК).

Список иных мер процессуального принуждения в 2011 г. был расширен за счет временного ограничения права на выезд из Республики Беларусь (ст. 132¹). В связи с развитием денежно-финансовых отношений было модернизировано наложение ареста на имущество. С 2017 г. на денежные средства, находящиеся на счетах и (или) во вкладах (депозитах) в банках и (или) небанковских кредитно-финансовых организациях, а также на электронные деньги арест налагается с санкции прокурора, его заместителя либо по постановлению Председателя Следственного комитета Республики Беларусь, Председателя Комитета государственной безопасности Республики Беларусь или лиц, исполняющих их обязанности, или по постановлению (определению) суда (ст. 132).

В УПК дано более обстоятельное, более точное, по сравнению с ранее действовавшим уголовно-процессуальным законодательством, нормативное описание прав участников процесса по заявлению ходатайств о производстве следственных и иных процессуальных действий, о принятии, изменении или отмене решений по отдельным вопросам, а равно по обжалованию действий и решений органов, ведущих уголовный процесс, которые затраги-

вают законные интересы жалобщика, а также смыслового значения и содержания этих прав, сроков и процессуального порядка их реализации, сроков процедуры и возможных правовых последствий рассмотрения и разрешения ходатайств и жалоб органом, на который возложена эта обязанность. При этом постепенно, в том числе и после принятия соответствующих решений Конституционным Судом Республики Беларусь, расширена сфера применения судебного порядка обжалования (жалобы на решения органа уголовного преследования об отказе в возбуждении уголовного дела, об отказе в возбуждении производства по вновь открывшимся обстоятельствам).

Новацией стало введение в УПК в качестве основания для возбуждения уголовного дела исчезновение лица, хотя практика в первые же месяцы показала, что это основание должно быть уточнено, что и произошло в 2003 г. Из числа поводов к возбуждению уголовного дела были исключены сообщения профсоюзных и комсомольских организаций, народных дружин по охране общественного порядка, товарищеских судов и других общественных организаций, так как появился единый повод – сообщение должностных лиц государственных органов, иных организаций. УПК возложил обязанность решать задачи, возникающие на стадии возбуждения уголовного дела, только на государственные органы уголовного преследования (орган дознания, следователя и прокурора). Однако впоследствии нормы, регулирующие деятельность в стадии возбуждения уголовного дела, изменялись. На данный момент названная стадия постепенно превратилась из «фильтра» для защиты прав граждан в формальный этап, который должно пройти каждое уголовное дело. В реальности вместо стадии возбуждения уголовного дела белорусский законодатель позволил органам уголовного преследования сразу же приступать к усеченному расследованию уголовного дела без появления в процессе необходимых участников, наделенных соответствующими процессуальными правами [8, с. 28]. В 2017 г. у заявителя появилась возможность ознакомления с материалами проверки по заявлению или сообщению о преступлении. Хотя таким правом, на наш взгляд, на основании ст. 62 Конституции Республики Беларусь следует наделить и представителя заявителя, которым может выступать адвокат.

Стадия предварительного расследования успела пройти значительную реформу, связанную с созданием в 2012 г. Следственного комитета Республики Беларусь. Досудебное производство может начинаться органами дознания в форме дознания (за исключением случаев, оговоренных в ч. 2 ст. 174 УПК). Основной формой расследования остается предварительное следствие, которое может вестись следователями не только Следственного комитета Республики Беларусь, но и органов государствен-

ной безопасности. По преступлениям, не представляющим большой общественной опасности, или менее тяжким преступлениям проводится ускоренное производство, которое должно быть закончено не позднее десяти суток со дня поступления заявления или сообщения о преступлении до передачи уголовного дела прокурору для направления в суд (по мотивированному постановлению следователя срок может быть продлен до пятнадцати суток начальником следственного подразделения или его заместителем). Ускоренное производство проводится с некоторыми упрощениями процессуального порядка досудебного производства при соблюдении конституционных прав обвиняемого (гл. 47 УПК).

Процессуальное руководство предварительным расследованием, проводимым следователем, возложено на начальника следственного подразделения. Именно он с 2012 г. продлевает срок предварительного следствия по уголовным делам, находящимся в производстве следователя.

Система следственных действий не претерпела изменений за 20 лет, чего нельзя сказать о порядке их производства. Большинство изменений в данной сфере было направлено на всестороннее обеспечение фундаментальных прав человека в уголовном процессе. Так, обязанность получения санкции прокурора либо его заместителя была распространена на производство всех следственных действий, связанных с вторжением в жилище или иное законное владение, если не получено согласие собственника или проживающих в нем совершеннолетних лиц. Внедрение же в последние годы в расследование возможности проведения допроса, очной ставки, предъявления для опознания с использованием систем видеоконференцсвязи (ст. 224¹), а также допустимость производства следственных действий в случаях, не терпящих отлагательства, либо при отсутствии реальной возможности обеспечить участие понятых с применением звуко- и видеозаписи (ст. 202, 202¹) вызывают вопросы, связанные с реальным обеспечением прав участников уголовного процесса. Отметим также, что практика оправдала введение проверки показаний на месте в качестве нового следственного действия в 2001 г.

Развернутое и достаточно детализированное решение вопроса об основаниях и процессуальном порядке приостановления и прекращения производства предварительного расследования по уголовному делу представлено в УПК.

Из уголовного процесса были исключены обвинительное заключение, составление которого являлось одной из форм окончания предварительного расследования, и предание суду как отдельная стадия. Нельзя не упомянуть также и возложение на следователя обязанности представлять прокурору вместе с уголовным делом справку о результатах

проведенного по делу предварительного расследования, которая не подлежит приобщению к уголовному делу (ст. 262), а является своего рода подсказкой для государственного обвинителя.

В связи с реформой судебной системы претерпела изменения подсудность уголовных дел: устранено упоминание о военных судах.

На стадии назначения и подготовки судебного разбирательства по аналогии с гражданским процессом может проводиться предварительное судебное заседание с 2015 г. Это происходит прежде всего при наличии оснований для возвращения уголовного дела прокурору (случаи указаны в ст. 280¹ УПК: предварительное расследование по уголовному делу произведено лицом при наличии оснований для его отвода или не разрешен отвод, заявленный следователю, лицу, производящему дознание, прокурору; в деле отсутствуют постановления, опосредующие основополагающие процессуальные решения и др.) или для прекращения производства по уголовному делу.

Еще до введения УПК в действие Декретом Президента Республики Беларусь № 2 от 20 января 2000 г. было установлено правило о рассмотрении по первой инстанции уголовных дел о преступлениях, за которые максимальное наказание, предусмотренное уголовным законом, не превышает 10 лет лишения свободы, за исключением дел о преступлениях несовершеннолетних, единолично судьяй. Остальные дела рассматриваются коллегиальным составом: судья и два народных заседателя.

В соответствии с принципом состязательности УПК была установлена обязанность прокурора поддерживать в судебном разбирательстве государственное обвинение по всем без исключения делам публичного и частно-публичного характера. Со временем этот императив был изменен. Так, по уголовному делу ускоренного производства прокурор или его заместитель в постановлении о направлении уголовного дела в суд высказывают мнение о рассмотрении уголовного дела без участия государственного обвинителя с предложением о применении к обвиняемому конкретного наказания или иных мер уголовной ответственности (ч. 2 ст. 455).

Отказ прокурора от обвинения, если от обвинения отказался и потерпевший, гражданский истец или их представители, влечет прекращение производства по уголовному делу по п. 2 ст. 29 УПК (за отсутствием в деянии состава преступления). Если указанные участники настаивают на обвинении, суд продолжает разбирательство и разрешает дело в общем порядке. Прокурор в этом случае освобождается от дальнейшего участия в судебном разбирательстве (ч. 8 ст. 293). Возможность потерпевшему, гражданскому истцу или их представителям поддерживать обвинение в случае отказа от обвинения прокурора является существенной гарантией прав

лиц, пострадавших от преступления, а также права на судебную защиту (ст. 60 Конституции Республики Беларусь) и выгодно отличает белорусское уголовно-процессуальное законодательство.

Устранение обвинительного уклона в деятельности суда заставило законодателя изменить порядок начала судебного следствия, которое начинается с оглашения государственным обвинителем предъявленного лицу обвинения (по делам частного обвинения – с изложения заявления частным обвинителем или его представителем, а по делам ускоренного производства, проводимым без участия государственного обвинителя, – без оглашения обвинения (ст. 344, ч. 5 ст. 458)).

Одной из новелл УПК, направленных на экономию сил и средств, стало введение сокращенного порядка судебного следствия. Сокращенный порядок судебного следствия применяется в тех случаях, когда обвиняемый признает свою вину и когда сделанное признание не оспаривается какой-либо из сторон и не вызывает сомнения у суда. Правила сокращенного порядка судебного следствия не применяются по уголовным делам о преступлениях несовершеннолетних, а также о преступлениях, за совершение которых по закону могут быть назначены лишение свободы на срок свыше 10 лет или смертная казнь, и в случаях, когда хотя бы один из обвиняемых не признает своей вины и дело в отношении него невозможно выделить в отдельное производство (ст. 326). С 2009 г. сокращенный порядок судебного следствия предусмотрен по делам ускоренного производства. А с 2016 г. законодатель предусмотрел аналог известного немецкой правовой системе приказного производства – заочное производство (постановление приговора по делу ускоренного производства без судебного разбирательства). Основанием для осуществления заочного производства является наличие в деянии, расследованном в порядке ускоренного производства, признаков преступления, не представляющего большой общественной опасности. Приведем условия постановления обвинительного приговора в заочном производстве:

- 1) полное признание обвиняемым своей вины и гражданского иска, если он предъявлен;
 - 2) признание не оспаривается какой-либо из сторон;
 - 3) признание не вызывает сомнения у судьи;
 - 4) согласие обвиняемого и потерпевшего на постановление приговора в заочном производстве;
 - 5) виновность обвиняемого, юридическая квалификация деяния и добровольность согласия обвиняемого и потерпевшего на заочное производство в суде не вызывают сомнения у судьи;
 - 6) отсутствие иных препятствий постановлению приговора без судебного разбирательства [1, с. 231].
- Приговор в заочном производстве сохраняет обязательную силу в качестве добровольной аль-

тернативы состязательному разбирательству лишь при согласии на то обвиняемого, потерпевшего, гражданского истца и гражданского ответчика, что может служить гарантией, не допускающей ущемления прав указанных лиц. Судебная практика в ряде случаев пошла по пути допущения усиления наказания обвиняемому или иного ухудшения его положения после отмены приговора, постановленного без судебного разбирательства, что не в полной мере позволило создать механизм, гарантирующий отсутствие давления со стороны обвинения при даче обвиняемым согласия на проведение заочного производства [9, с. 320].

Конкретное и не противоречащее Конституции Республики Беларусь, опирающееся на принципы уголовного процесса и общий порядок производства по уголовным делам и согласующееся с ними определение особенностей возникновения, расследования, рассмотрения и разрешения по существу дел частного обвинения (гл. 44), дел, при производстве которых возник и подлежит разрешению вопрос о применении принудительных мер безопасности и лечения (гл. 46), ускоренного производства по уголовному делу (гл. 47), было дано в УПК.

Уголовно-процессуальный закон особое внимание системно уделяет правовым гарантиям прав подозреваемых и обвиняемых по делам о преступлениях, совершенных лицами в возрасте до 18 лет. В ч. 2 ст. 89 УПК устанавливается необходимость дополнительного уточнения возраста несовершеннолетнего, условий его жизни и воспитания [10], степени интеллектуального, волевого и психического развития, наличия взрослых подстрекателей и иных соучастников. Нормы гл. 45 УПК впервые объединили особенности производства по уголовным делам о преступлениях, совершенных лицами в возрасте до 18 лет. Помимо обязательного участия педагога или психолога они регламентируют применение задержания и заключения под стражу, ограничение времени допроса несовершеннолетнего, участие защитника и законных представителей, особенности порядка постановления приговора и др.

С учетом конституционного положения о праве каждого гражданина на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц, в УПК включена гл. 48, где впервые на таком высоком уровне достаточно конкретно в соответствии с задачами уголовного процесса нормативно определены основания и порядок возмещения вреда, причиненного физическому или юридическому лицу в результате незаконных действий органа, ведущего уголовный процесс, а также основания и порядок осуществления незамедлительной реабилитации в случаях установления факта обвинения или осуждения невиновного [11].

В начале 2007 г. в УПК появилась гл. 49 «Производство по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц». Тем самым белорусский законодатель разрешил наличествовавшую ранее коллизию. С одной стороны, ст. 1 УПК гласит, что данный кодекс, «основываясь на Конституции Республики Беларусь, устанавливает порядок деятельности органов, ведущих уголовный процесс, а также права и обязанности участников уголовного процесса», и этот порядок является единым и обязательным для всех органов и должностных лиц, ведущих уголовный процесс, а также для иных его участников. С другой стороны, существовал ряд законодательных актов, которые предусматривали изъятие из порядка, установленного в УПК для отдельных категорий граждан в связи с занимаемыми ими должностями. Предусмотренные законом дополнительные гарантии в отношении указанных лиц должны способствовать их самостоятельности и независимости, обеспечивая при этом реальное разделение властей, ограждая указанных лиц от необоснованных уголовных преследований и осуждения. Однако в этот список в настоящий момент не включены адвокаты. Внесение изменений в данном направлении могло бы создать еще одну гарантию для выполнения адвокатами своих обязанностей перед доверителями в полном объеме, так как иногда имеется возможность воздействия на данную категорию граждан с помощью угрозы необоснованного привлечения к уголовной ответственности.

В развитие права, предусмотренного п. 7 ч. 1 ст. 29 УПК, после принятия Конституционным Судом Республики Беларусь соответствующего заключения в 2014 г., было введено производство по материалам и уголовному делу в случае смерти подозреваемого, обвиняемого, лица, подлежащего привлечению в качестве подозреваемого, обвиняемого. Однако возникает вопрос: можно ли подменить усмотрение умершего подозреваемого, обвиняемого усмотрением третьего лица (например, близкого родственника)? На наш взгляд, в такой ситуации следует говорить не о защите интересов умершего, а все же о защите интересов переживших родственников [12, с. 93].

Необходимо отметить постепенное проникновение в уголовный процесс Республики Беларусь принципа целесообразности. Хотя наличие у органов уголовного преследования и суда возможности, исходя из целесообразности по своему внутреннему убеждению прекращать производство по уголовному делу на данный момент не согласуется со сформулированным в УПК принципом публичности (ст. 15) и такими задачами уголовного процесса, как защита личности, ее прав и свобод, интересов общества и государства путем, кроме прочего, *привлечения к уголовной ответственности виновных* и обеспечения правильного применения

закона с тем, чтобы *каждый, кто совершил преступление, был подвергнут справедливому наказанию*, что может соответствовать общественным интересам [13, с. 77].

В Послании о перспективах развития системы общих судов Республики Беларусь, утвержденном Указом Президента Республики Беларусь от 10 октября 2011 г. № 454 «О мерах по совершенствованию деятельности судов общей юрисдикции» (далее – Послание), была поставлена задача изучить необходимость введения института согласительного процесса (соглашения сторон обвинения и защиты о квалификации преступления, мере наказания, сумме ущерба и др.), внедрении процедуры медиации по отдельным требованиям, вытекающим из гражданско-правовых отношений. В 2015 г. в УПК появился институт досудебного соглашения о сотрудничестве. Следует обратить внимание на публично-правовую природу данного соглашения, что свидетельствует об изначально неравном правовом положении его сторон. Такое соглашение должно содержать только указание на действия, которые обязуется совершить подозреваемый (обвиняемый) (за исключением признания вины в совершенном преступлении). Никаких обязательств со стороны прокурора в нем нет, так как возможность назначения более мягкого наказания остается прерогативой суда [14, с. 146–147]. В заключении соглашения не предусмотрено участие потерпевшего [15, с. 322].

Как видится, в отечественном уголовно-процессуальном законодательстве к компромиссным (согласительным) процедурам можно отнести сокращенный порядок судебного следствия (ст. 326 УПК), ускоренное производство (гл. 47) и досудебное соглашение о сотрудничестве (гл. 49¹ УПК). Во всех этих процессуальных институтах уголовное преследование завершается официальным провозглашением виновности обвиняемого и назначением ему наказания. Поэтому здесь отсутствует не только освобождение от уголовной ответственности, но и от наказания [14, с. 29].

Дальнейшим развитием согласительных процедур в уголовном процессе могло бы стать внедрение медиации, о чем не раз заявляли отечественные ученые [16–18].

Важным моментом трансформации парадигмы уголовного процесса стал переход в 2008 г. института международной правовой помощи по уголовным делам с международного уровня на уровень национального регулирования. Хотя подобные нормы предусматривались уже в одном из проектов кодекса, изначально они были отвергнуты. Нормы УПК о международной правовой помощи по уголовным делам призваны восполнить пробелы и несовершенство действующих международных договоров, регламентировать сложившуюся следственную и судебную практику и отразить во-

просы оказания правовой помощи на основании принципа взаимности [19, с. 44].

Несмотря на многочисленные новации, в момент введения в действие УПК отдельные институты во многом сохранили нормы, существовавшие в Уголовно-процессуальном кодексе БССР 1960 г. Это было справедливо для институтов кассационного и надзорного производства, а также возобновления производства по уголовному делу по вновь открывшимся обстоятельствам.

С течением времени законодатель постепенно двигался по пути внедрения апелляционного порядка пересмотра приговоров, постановлений и определений, не вступивших в законную силу. После положительного заключения межведомственной рабочей группы по проработке вопроса о введении в общих судах института апелляционного судопроизводства по уголовным делам (распоряжение Премьер-министра № 117р от 20 сентября 2010 г.) данное направление было очерчено в Послании. Особенно четко прослеживается постепенное внедрение апелляции в изменениях, внесенных Законом Республики Беларусь от 3 января 2012 г. № 335-З «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь», а Законом Республики Беларусь от 5 января 2016 г. № 356-З «О внесении изменений и дополнений в некоторые кодексы Республики Беларусь» была проведена масштабная смена кассационного порядка пересмотра судебных постановлений по уголовным делам на апелляционный.

В соответствии с международными нормами и нормой ст. 115 Конституции Республики Беларусь по каждому уголовному делу соответствующим субъектам должно быть предоставлено право на обжалование. Международные нормы дают самую широкую возможность для каждой страны устанавливать механизм пересмотра решений судов, приемлемый с точки зрения культурных традиций, особенностей национальных правовых систем и иных факторов. Важным является соблюдение требования презумпции невиновности и постановление нового решения с представлением обвиняемому гарантий права на справедливое судебное разбирательство.

Общепризнано, что существуют две системы пересмотра решений судов: апелляция и кассация. Обе они имеют право на существование, при этом апелляция, как и кассация в классическом понимании, имеют недостатки, которые законодателем разрешаются путем реализации в законе элементов различных систем. Переход Республики Беларусь на апелляционный пересмотр стал важной вехой в развитии уголовного судопроизводства. Апелляционные начала пересмотра не вступивших в законную силу приговоров, определений и постановлений суда позволили повысить уровень за-

щищенности граждан, оперативности исправления судебных ошибок.

Закон Республики Беларусь от 5 января 2016 г. № 356-З «О внесении изменений и дополнений в некоторые кодексы Республики Беларусь» закрепил требования к апелляционной жалобе или протесту (ст. 372 УПК), исключил такое основание к отмене и изменению приговора, как односторонность и неполнота судебного следствия, что, безусловно, способствовало развитию принципа осуществления правосудия на основе состязательности и равенства сторон. В то же время УПК предусматривает возможность по апелляционным жалобам потерпевшего, частного обвинителя, их представителей, апелляционному протесту прокурора с соблюдением соответствующих процессуальных гарантий прав обвиняемого изменить уже в суде апелляционной инстанции приговор в сторону усиления ответственности (ч. 2 ст. 396 УПК).

Следует признать, что суд апелляционной инстанции все еще ограничен в полномочиях по исследованию и оценке доказательств (ст. 385 УПК), а одним из возможных его решений может быть отмена приговора и направление дела на новое судебное разбирательство в суд первой инстанции (п. 2 ч. 1 ст. 386 УПК).

Вместе с тем судебная практика требует дальнейшего развития данных уголовно-процессуальных форм, расширения возможности суда второй инстанции по оценке доказательств, введения института апелляционного приговора.

Действующий УПК сохранил известные советскому процессу надзорное производство по пересмотру приговоров, определений и постановлений суда, вступивших в законную силу (гл. 42). Вместе с тем форма данной стадии усложнилась. Появились легальные требования к содержанию надзорной жалобы (ст. 408, 408¹ УПК). Для упорядочения правоотношений законом был ограничен круг лиц, имеющих право подавать такую жалобу. С дальнейшим развитием апелляционного пересмотра представляется, что надзорное производство будет также трансформироваться в реально исключительную стадию уголовного процесса.

Следует признать, что при стремлении законодателя к развитию уголовно-процессуальных форм в УПК все еще сохраняются некоторые архаичные формулировки, не соответствующие уровню технологического развития общества. Так, при производстве следственных действий допускается применение киносъемки, демонстрация кинофильмов и слайдов. В зале судебного заседания допускается магнитофонная запись, хотя мало кто уже использует магнитофоны (ч. 6 ст. 287).

Вместе с тем развитие информационного общества требует дальнейшего совершенствования уголовно-процессуального законодательства ввиду

распространенности совершения преступлений с применением информационных технологий, сети Интернет. О приоритете правового регулирования общественных отношений в информационной сфере с учетом усиления роли информатизации и цифровизации на современном этапе указывает и Конституционный Суд Республики Беларусь^{1*}. Закон в настоящее время не определяет особенности закрепления информации на электронных носителях, что создает трудности в доказывании такого рода преступлений.

В качестве источника доказательств УПК впервые закрепил «другие носители информации», под которыми понимаются материалы фото- и киносъемки, звуко- и видеозаписи и иные носители информации, полученные, истребованные или представленные в порядке, предусмотренном ст. 103 УПК (ч. 2 ст. 100). Вместе с тем особенности осмотра, обыска цифровых носителей законом не определены [20].

Информационные технологии в настоящее время могут оптимизировать не только процессы управления, но и процесс расследования преступлений. Будущее фиксации доказательственной информации и ведения производства по уголовному делу видится во внедрении систем «Электронное уголовное дело». А это требует не только организационных мероприятий, финансовых вложений, но и изменений законодательства.

Основываясь на опыте ЕС, но учитывая специфику национальных уголовных процессов государств – участников ЕАЭС, на современном этапе можно говорить о необходимости гармонизации уголовно-процессуального права в рамках данного интеграционного образования. При формировании интеграционного правового регулирования

следует вырабатывать действенные механизмы обеспечения баланса национальных и наднациональных интересов исходя из верховенства Конституции, конституционных основ государственного устройства и необходимости неумаления конституционных прав и свобод граждан^{2*}. Принимая во внимание основные цели ЕАЭС (ст. 4 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г.), в качестве цели гармонизации уголовно-процессуального права можно рассматривать обеспечение стабильного развития экономик государств-членов в интересах повышения жизненного уровня их населения [21, с. 238]. Хотя в европейской литературе высказывались и иные мнения о цели гармонизации уголовно-процессуального права – устранение возможных пробелов для граждан в европейских трансграничных уголовных делах и повышение эффективности [22, с. 204–205]. Однако, на наш взгляд, это лишь средства достижения указанной нами цели.

Как видим, на протяжении всего времени применения УПК не останавливается процесс его совершенствования, так как современное общество развивается ускоренными темпами. Законодатель постепенно отходит от карательного правосудия и принцип публичности планомерно смягчается целесообразностью, повышением значимости интересов потерпевшего в процессе. В ближайшие годы законодателю придется решиться на дальнейшее развитие альтернатив уголовному преследованию, в том числе на внедрение медиации для разрешения уголовно-правовых конфликтов, оптимизацию пересмотра судебных постановлений, а также расширение возможностей использования современных информационных технологий в уголовном процессе.

Библиографические ссылки

1. Данилевич АА, Петрова ОВ, Самарин ВИ. *Уголовный процесс*. Минск: БГУ; 2016. 351 с.
2. Карпиевич НФ. История становления и развития белорусского уголовно-процессуального законодательства. *Право и демократия*. 2004;15:301–312.
3. Bassiouni MC. *Globalization and its impact on the future of human rights and international criminal justice*. Cambridge: Intersentia; 2015. 730 p.
4. Dearing A. *Justice for victims of crime: human dignity as the foundation of criminal justice in Europe*. Cham: Springer; 2017. 398 p.
5. Петрова ОВ. Проблемы правового регулирования участия педагога (психолога) в уголовном процессе Республики Беларусь. *Вестник Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Серыя 4. Правазнаўства*. 2013;6:57–62.
6. Петрова ОВ. Международные принципы дружественного ребенку правосудия и перспективы его реализации в уголовном процессе Республики Беларусь. В: Шабанов ВВ, редактор. *Криминалистические чтения, посвященные памяти заслуженного юриста Республики Беларусь, доктора юридических наук, профессора Грамовича Г. И.* Минск: Академия МВД; 2012. с. 59–60.
7. Данилевич АА. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь 1999 г. В: *Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь*. Минск: Амалфея, 2000. с. 3–15.
8. Данилевич АА, Самарин ВИ. Место стадии возбуждения уголовного дела в системе уголовного процесса Республики Беларусь. *Законность и правопорядок*. 2013;3:24–29.

^{1*} О состоянии конституционной законности в Республике Беларусь в 2018 году : решение Конституционного Суда Республики Беларусь от 14 марта 2019 г. № Р-1166/2019 [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.by/document/?guid=3871&p0=K91901166> (дата обращения: 22.03.2019).

^{2*} Там же.

9. Самарин ВИ. Осуждение без вызова сторон: а как же принципы уголовного процесса? *Університетські наукові записки*. 2017;3:311–323.
10. Петрова ОВ. Сравнительно-правовой анализ порядка изучения личности несовершеннолетнего обвиняемого. *Юстиция Беларусь*. 2013;3:58–61.
11. Данилевич АА, Петрова ОВ. *Защита прав и свобод личности в уголовном процессе*. Минск: Издательский центр БГУ; 2008. 168 с.
12. Самарин ВИ. Производство по уголовному делу в отношении умершего: а как же право на защиту? В: Ершов ВВ, редактор. *Стратегии развития уголовно-процессуального права в XXI в. Материалы V международной научно-практической конференции; 10–11 ноября 2016 г.; Москва, Россия*. Москва: РГУП; 2017. с. 91–96.
13. Самарин ВИ. Принцип целесообразности против принципа публичности в современном уголовном процессе. В: Самарин ВИ, Хегер М, Мороз ОВ, редакторы. *Уголовный процесс как средство обеспечения прав человека в правовом государстве*. Минск: Издательский центр БГУ; 2017. с. 73–80.
14. Хелльманн У, Балащенко СА, Зайцева ЛЛ, редакторы. *Альтернативное разрешение споров в уголовном процессе*. Минск: Издательский центр БГУ; 2015. 223 с.
15. Самарин ВИ, Орехов АЮ. Теоретико-прикладной аспект проблематики введения досудебного соглашения о сотрудничестве в уголовно-процессуальное законодательство Республики Беларусь. *Університетські наукові записки*. 2014;2:321–327.
16. Зайцева ЛЛ. Восстановительное правосудие – альтернатива уголовному преследованию. В: Хомич ВМ, редактор. *Судебная практика в контексте принципов законности и права*. Минск: Тесей; 2006. с. 298–306.
17. Петрова ОВ. Прекращение производства по уголовному делу в связи с примирением обвиняемого с потерпевшим и восстановительное правосудие. *Судовы веснік*. 2010;3:57–61.
18. Скудидлевска ЭВ. К вопросу о необходимости интеграции медиации в уголовный процесс Республики Беларусь. В: *I ежегодная международная юридическая научно-практическая конференция «Актуальные проблемы совершенствования права и законодательства»; 25–26 октября 2017 г.; г. Ереван, Армения*. Ереван: Издательство РАУ; 2017. с. 31–35.
19. Данилевич АА, Самарин ВИ. *Международная правовая помощь по уголовным делам: уголовно-процессуальный аспект*. Минск: БГУ; 2009. 127 с.
20. Мухин ИГ, редактор. *Организация расследования преступлений в сфере высоких технологий*. Минск: Академия МВД; 2017. 139 с.
21. Самарин ВИ. Гармонизация уголовно-процессуального права как механизм его гуманизации. В: Гуркова АВ, Острогляд ОВ, упорядники. *Гуманізація кримінальної відповідальності. Матеріали II Міжнародного науково-практичного симпозиуму; 16–17 листопада 2018 р.; Івано-Франківськ, Україна*. Івано-Франківськ: Університет Короля Данила; 2018. с. 237–240.
22. Suominen A. The sensitive relationship between the different means of legal integration: mutual recognition and approximation. In: Brière C, Weyembergh A, editors. *The Needed Balances in EU Criminal Law Past, Present and Future*. Oxford: Hart Publishing; 2017. p. 187–212.

References

1. Danilevich AA, Petrova OV, Samaryn VI. *Ugolovnyi protsess* [Criminal procedure]. Minsk: Belarusian State University; 2016. 351 p. Russian.
2. Karpievich NF. [The history of the formation and development of the Belarusian criminal procedure legislation]. *Pravo i demokratiya*. 2004;15:301–312. Russian.
3. Bassiouni MC. *Globalization and its impact on the future of human rights and international criminal justice*. Cambridge: Intersentia; 2015. 730 p.
4. Dearing A. *Justice for victims of crime: human dignity as the foundation of criminal justice in Europe*. Cham: Springer; 2017. 398 p.
5. Petrova OV. [Problems of legal regulation of the participation of a teacher (psychologist) in the criminal process of the Republic of Belarus]. *Vesnik of Yanka Kupala State University of Grodno. Series 4. Jurisprudence*. 2013;6:57–62. Russian.
6. Petrova OV. [International principles of child-friendly justice and the prospects for its implementation in the criminal procedure of the Republic of Belarus]. In: Shabanov VB, editor. *Kriminalisticheskie chteniya, posvyashchennye pamyati zaslužennogo yurista Respubliki Belarus', doktora yuridicheskikh nauk, professora Gramovicha G. I.* [Forensic readings dedicated to the memory of the Honored Lawyer of the Republic of Belarus, Doctor of Law, Professor G. Gramovich]. Minsk: Academy of the Interior Ministry; 2012. p. 59–60. Russian.
7. Danilevich AA. [Criminal Procedure Code of the Republic of Belarus 1999]. In: *Ugolovno-protsessual'nyi kodeks Respubliki Belarus'* [Criminal Procedure Code of the Republic of Belarus]. Minsk: Amalfeya; 2000. p. 3–15. Russian.
8. Danilevich AA, Samaryn VI. [Place of the stage of initiation of criminal proceedings in the criminal procedure of the Republic of Belarus]. *Zakonnost' i pravoporyadok*. 2013;3:24–29. Russian.
9. Samaryn VI. [Sentencing without summons of the parties to court: what about the principles of the criminal procedure?]. *Universytets'ki naukovy zapysky*. 2017;3:311–323. Russian.
10. Petrova OV. [Comparative legal analysis of the procedure for studying the identity of a minor accused]. *Yustitsiya Belarusi*. 2013;3:58–61. Russian.
11. Danilevich AA, Petrova OV. *Zashchita prav i svobod lichnosti v ugolovnom protsesse* [A protection of individual rights and freedoms in criminal proceedings]. Minsk: Publishing Center of the Belarusian State University; 2008. 168 p. Russian.
12. Samaryn VI. [Criminal proceedings against the deceased: what about the right to defense?]. In: Ershov VV, editor. *Strategii razvitiya ugolovno-protsessual'nogo prava v XXI v. Materialy V mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii; 10–11 noyabrya 2016 g.; g. Moskva, Rossiya* [Strategies for the development of criminal procedure law in the 21st century: Proceedings of the 5th International scientific and practical conference; November 10–11, 2016; Moscow, Russia]. Moscow: Rossiiskii gosudarstvennyi universitet pravosudiya; 2017. p. 91–96. Russian.

13. Samaryn VI. [The principle of opportunity vs. the principle of publicity in the modern criminal procedure]. In: Samaryn VI, Heger M, Maroz OV, editors. *Ugolovnyi protsess kak sredstvo obespecheniya prav cheloveka v pravovom gosudarstve* [Criminal proceeding based on the rule of law as means to ensure human rights]. Minsk: Publishing Center of the Belarusian State University; 2017. p. 73–80. Russian.
14. Helfmann U, Balashenko SA, Zajtseva LL, editors. *Al'ternativnoe razreshenie sporov v ugolovnom protsesse* [Alternative dispute resolution in criminal proceedings]. Minsk: Publishing Center of the Belarusian State University; 2015. 223 p. Russian.
15. Samaryn VI, Orekhov AY. [Theoretical and applied aspect of the introduction of a pre-trial agreement on cooperation in the criminal procedure legislation of the Republic of Belarus]. *Universytets'ki naukovyi zapysky*. 2014; 2:321–327. Russian.
16. Zaitseva LL. [Restorative justice is an alternative to criminal prosecution]. In: Khomich VM, editor. *Sudebnaya praktika v kontekste printsipov zakonnosti i prava* [Judicial practice in the context of the principles of legality and law]. Minsk: Teseus; 2006. p. 298–306. Russian.
17. Petrova OV. [Termination of criminal proceedings in connection with the reconciliation of the accused with the victim and restorative justice]. *Sudovy vesnik*. 2010;3:57–61. Russian.
18. Skshidlevska EV. [On the need to integrate mediation into the criminal procedure of the Republic of Belarus]. In: *I yezhegodnaya mezhdunarodnaya yuridicheskaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya «Aktual'nye problemy sovershenstvovaniya prava i zakonodatel'stva»; 25–26 oktyabrya 2017; Erevan, Armeniya* [1st annual international legal scientific-practical conference “Actual problems of improving law and legislation”; October 25–26, 2017; Yerevan, Armenia]. Erevan: Izdatel'stvo RAU; 2017. p. 31–35. Russian.
19. Danilevich AA, Samaryn VI. *Mezhdunarodnaya pravovaya pomoshch' po ugolovnym delam: ugolovno-protsessual'nyi aspekt* [International legal assistance in criminal matters: the criminal procedural aspect]. Minsk: Belarusian State University; 2009. 127 p. Russian.
20. Mukhin IG, editor. *Organizatsiya rassledovaniya prestuplenii v sfere vysokikh tekhnologii* [Organization of investigation of crimes in the field of high technology]. Minsk: The Academy of the Interior Ministry; 2017. 139 p. Russian.
21. Samaryn VI. [Harmonization of criminal procedural law as a mechanism for its humanization]. In: Gurkova AV, Ostrogljad OV, compilers. *Gumanizacija kryminal'noj vidpovidal'nosti. Materialy II Mizhnarodnogo naukovopraktychnogo sympoziumu; 16–17 lystopada 2018 r.; Ivano-Frankivs'k, Ukrai'na* [Humanization of criminal liability: proceedings of the 2nd International Symposium; November 16–17, 2018; Ivano-Frankivsk, Ukraine]. Ivano-Frankivsk: King Danylo University; 2018. p. 237–240. Russian.
22. Suominen A. The sensitive relationship between the different means of legal integration: mutual recognition and approximation. In: Brière C, Weyembergh A, editors. *The Needed Balances in EU Criminal Law Past, Present and Future*. Oxford: Hart Publishing; 2017. p. 187–212.

Статья поступила в редколлегию 30.03.2019.
Received by editorial board 30.03.2019.